

—

(Часть 32)

Подпольный бойцовский клуб изначально создавался Ассоциацией Боевых Искусств как площадка для поединков — официальная и открытая. Позже Ассоциация постепенно отменила частные спарринги, превратив все соревнования в публичные шоу, которые транслировались по телевидению и спонсировались крупными брендами. Обычные мастера могли заявить о себе только через эти турниры, в то время как выходцам из великих кланов не нужно было пробиваться с самых низов: при поддержке финансовых конгломератов наследникам кланов достаточно было пару раз сняться в легких и прибыльных реалити-шоу, чтобы прославиться.

Когда частные поединки превратились в официальные программы, этот бойцовский клуб был выкуплен Ассоциацией и несколькими великими кланами. Официально он значился как место для тренировок и обмена опытом между мастерами, но на деле превратился в кровавое казино.

Не все люди из мира боевых искусств жили так роскошно, как показывали по телевизору. Многие бедствовали и отчаянно нуждались в деньгах. Кто-то шел на риск и приходил в подпольный клуб, чтобы заработать, а кто-то и вовсе был штатным бойцом, выращенным кланами исключительно для обогащения хозяев.

Те, кто выходил на арену подпольного клуба, заранее подписывали отказ от претензий в случае смерти или увечья: ни противник, ни организаторы ответственности не несли. Подобных подпольных клубов в Китае существовать не должно было; полиция Линьчэна даже опечатывала этот клуб, но кто-то сверху снимал запрет, и заведение продолжало работать.

Это могло означать только одно: в Национальном собрании был один или несколько высокопоставленных чиновников, которые были покровителями этого места. В Китае почти в каждом крупном городе были такие арены, где люди могли смотреть бои и делать ставки.

«Я помню, что в Китае запрещены азартные игры», — сказал Янь Чангэ, выслушав рассказ Цюй Ляня об истории клуба.

«Верно. Но боевые искусства — это не азартные игры, это состязание», — ответил Цюй Лянь.

«Какая изящная игра слов», — сухо заметил Янь Чангэ.

«Там одни головорезы», — с тревогой произнес Цюй Лянь. — «Ты правда хочешь идти? Это была просто минутная вспышка гнева, не обязательно принимать это всерьез. Зачем тебе туда? Мне кажется, Линь Хэнъянь замышляет недоброе. Он может заставить тебя провести несколько боев, чтобы изучить твою технику, прежде чем выйдет сам. Раньше мы неплохо

ладили, но после его исчезновения и возвращения я его просто не узнаю».

«Не волнуйся», — уверенно ответил Янь Чангэ. — «Чтобы справиться с ними, мне даже не понадобится внутренняя энергия».

Цюй Лянь заразился его уверенностью. Вспомнив слова Линь Хэнъяня, он добавил:

«Точно! Всыпь им как следует, пусть не смеют смотреть на тебя свысока».

У Янь Чангэ потеплело на душе: «Будь спокоен».

Он был величайшим божественным оружием эпохи холодного оружия, и эти простые смертные не могли нанести ему раны.

Подпольный клуб находился в восточном пригороде Линьчэна, довольно далеко от дома Цюй Ляня. Дорога заняла больше часа. Когда они прибыли, было уже десять вечера — время, когда обычные люди ложатся спать, но ночная жизнь подпольной арены только начиналась.

Это был безумный мир. Хотя здание находилось на поверхности, оно носило название «подпольного», и точно так же бойцы здесь жили среди людей, но сердцами уже погрузились в ад.

Янь Чангэ нахмурился еще издали: от здания веяло тяжелой свирепой аурой.

Эта аура отличалась от убийственной ци или злобы. Те были остаточными негативными всплесками перед смертью, порожденными яростными эмоциями. Свирепая же аура была дыханием живых. Строго говоря, в клубе умирало не так много людей; здесь правила аура жестокости самих бойцов.

«Какое порочное место», — сказал Янь Чангэ. — «Боевые искусства не должны быть инструментом для незаконной наживы, а мастера не должны становиться рабами денег, торгуя своей жизнью и достоинством на потеху публике».

Перед тем как войти, Янь Чангэ внезапно спросил:

«Цюй Лянь, каким ты меня видишь? Посторонние цепенеют от страха при виде меня, мелкие бандиты сами падают на колени, а Шэнь Ифэй вечно хочет арестовать меня как преступника. А ты?»

Цюй Лянь улыбнулся: «Сначала мне тоже было страшновато, но ты с самого начала помогал мне. Я даже мечтал, чтобы ты был плохим парнем — если бы ты был злодеем, я бы нанял тебя делать всякие пакости за деньги. Но потом я понял, что ты неисправимо добрый человек, так

что какой уж тут страх».

Янь Чангэ произнес: «Другие считают меня пугающим, потому что смотрят обычным взглядом и видят мою истинную сущность. А ты смотришь на меня через «розовые очки», поэтому тебе кажется, что во мне всё прекрасно».

«Это и называется «красота в глазах смотрящего»?» — Цюй Лянь игриво коснулся подбородка Янь Чангэ. — «Красавчик, ты сегодня будешь выступать для меня?»

«Сегодня я буду выступать не для тебя, а для других», — многозначительно ответил Янь Чангэ.

«В каком смысле?» — Цюй Лянь смутно почувствовал, что Янь Чангэ стал немного другим, но как ни смотрел, тот оставался всё таким же красавцем. Что же изменилось?

«На самом деле, если я захочу, я могу казаться людям добрым и мягким», — пояснил Янь Чангэ. — «Во мне слишком много негативной энергии, она пробуждает в людях плохие эмоции. Ты смотришь на меня с позитивным чувством, которое нейтрализует негатив, поэтому ты видишь меня иначе. По той же логике, если я покрою свою негативную энергию позитивной, я смогу прикинуться безобидным. Но это требует больших затрат энергии, а добывать её мне непросто, так что лучше побережь».

«К тому же я — это я, это мой истинный облик. Я живу в этом мире открыто, мне незачем прятаться. Люди вроде тебя будут смотреть на меня правильно, а люди вроде Чжао Инъюя, боюсь, никогда не увидят во мне ничего хорошего», — искренне добавил он.

«Так ты сегодня планируешь...»

«Сегодня я буду «безобидным» Янь Чангэ. Если я выпущу свою ауру, боюсь, все бойцы тут же упадут на колени и будут молить о пощаде, боя не получится. Как же тогда прикинуться «свиньей, пожирающей тигра», и заставить Линь Хэнъяня потерять лицо?» — Янь Чангэ улыбнулся. Его прежние улыбки были добрыми, нежными, снисходительными или радостными... Цюй Лянь никогда не видел его таким. В этой улыбке сквозило чистое зло, словно перед ним был демон из преисподней, готовый оборвать жизнь легким жестом.

Цюй Лянь любил нежного и доброго Янь Чангэ. Сам он был типичным повесой — не слишком хорошим и безответственным, так что его закономерно тянуло к праведным героям. Он не должен был любить злодеев, особенно таких неоднозначных, как в кино, но сегодня эта демоническая улыбка Янь Чангэ заставила его кровь закипеть, а в сердце поднялась волна бурных чувств.

Улыбка исчезла мгновенно, и Янь Чангэ снова принял облик добродушного парня. Отличие было лишь в том, что теперь он временно прикрыл свою убийственную ауру силой накопленных заслуг. В глазах окружающих Янь Чангэ стал просто очень красивым и приятным человеком, чья пугающая аура была временно подавлена.

В подпольном клубе были роскошные VIP-ложи с отличным обслуживанием. Цюй Лянь привел Янь Чангэ в ложу, которую постоянно арендовал Линь Хэнъянь. Чжао Инъюй и остальные уже были там. Как и говорил Чжао, в ложе присутствовало несколько начинающих кинозвезд. Судя по их поведению, денежных сделок интимного характера пока не было — актеры просто отработывали светские обязанности, а богачи присматривали себе добычу. Трудно было сказать, кто из звезд мечтал «зацепиться за бедро», чтобы продвинуться в карьере.

«Второй молодой господин Цюй», — Линь Хэнъянь даже не встал при их появлении. Он поднял бокал и, косясь на Янь Чангэ, произнес: «И это тот самый мастер, о котором ты говорил?»

Молодой господин Ли нахмурился: «Странно, в прошлый раз он выглядел иначе...»

Линь Хэнъянь не обратил внимания на слова молодого господина Ли. Он так и не посмотрел Янь Чангэ в глаза, обращаясь к Чжао Инъюю: «С тех пор как я прославился, я так устаю. Каждый день кто-то хочет бросить мне вызов, надеясь прославиться за мой счет. Но если я буду соглашаться на бой с каждой встречной шавкой, я же просто вымотаюсь. Инъюй, ты согласен?»

Чжао Инъюй посмотрел на Янь Чангэ и, почувствовав, что тот пугающий холод исчез, успокоился: «Конечно!»

Цюй Лянь, слыша оскорбления в адрес Янь Чангэ, пришел в ярость. Он хотел выйти вперед и высказать им всё — ведь это Линь Хэнъянь сам напросился на бой и заставил их прийти, а теперь всё переворачивал с ног на голову.

Но стоило ему сделать шаг, как Янь Чангэ остановил его. Этот «добродушный малый» мягко произнес: «И что же нужно сделать, чтобы господин Линь согласился сразиться со мной?»

«Провести несколько боев», — Линь Хэнъянь предложил именно то, чего и ожидал Цюй Лянь. Если Янь Чангэ окажется сильным, бои измотают его. Если слабым — Линь Хэнъянь сам выйдет и сделает его инвалидом на всю жизнь, чтобы тот впредь не смел бахвалиться.

«И сколько же боев, по-вашему, будет достаточно?» — скромно и вежливо спросил «добродушный» Янь. — «Сколько нужно побед, чтобы удостоиться чести стать вашим противником?»

«Ха?» — Линь Хэнъянь наконец посмотрел прямо на Янь Чангэ, который вежливо, но настойчиво задавал вопросы. Прищурившись, он ответил: «Я несколько лет тренировался в странствиях. Первым делом по возвращении я несколько месяцев дрался здесь, в клубе. Я не просто взял кубок, а удерживал титул десять сезонов подряд. У меня самый высокий рейтинг в этом клубе, мой рекорд до сих пор не побит. Я не требую, чтобы ты сразу обошел меня по очкам, но ты должен хотя бы войти в первую десятку. И я говорю не о накопленных баллах, а о результатах за один вечер. Я человек занятой, с трудом выкроил это время».

Чтобы попасть в топ-10 рейтинга за одну ночь, нужно было последовательно победить первых пятерых бойцов, находящихся сейчас на арене. Нельзя было проиграть ни одного боя, так как за поражение баллы снимались. Линь Хэньянь заставлял Янь Чангэ пройти через пятерых сильнейших мастеров, прежде чем выйти самому. К тому времени измотанный Янь Чангэ, каким бы сильным он ни был, проиграет.

«Вот оно как», — мягко сказал Янь Чангэ. — «Хоть вы и бросили вызов, но раз наша сторона первая заявила о моем превосходстве, будет справедливо последовать вашим условиям».

Цюй Лянь с тревогой взглянул на Янь Чангэ и прошептал: «Хоть это и называется боксёрским рингом, здесь разрешено использовать оружие. Но здесь не выдают мотоциклы, ты...»

Янь Чангэ погладил его по волосам: «Чем переживать за меня, лучше подумай, как держаться подальше от Чжао Инъюя. Не позволяй ему даже пальцем тебя тронуть».

(Часть 33)

В клубе существовала система отборочных туров. По правилам, такой новичок, как Янь Чангэ, не имеющий ни одного боя в активе, должен был начинать с самых низов и пробиваться наверх. Но времени на это не было. Янь Чангэ должен был сразу бросить вызов первой пятерке. В таких случаях нужно было заплатить огромный взнос за участие в поединке — мастера высокого ранга не вышли бы на ринг без серьезного финансового стимула.

Взнос, разумеется, оплатил Цюй Лянь. Он выложил огромную сумму, даже не моргнув глазом. Янь Чангэ же, не желая, чтобы Цюй Лянь тратил свои деньги, спросил: «Каковы сейчас ставки на меня?»

Неизвестный новичок с видом чистого и невинного «ягненка» в глазах завсегдатаев клуба был обречен на провал. Возможно, у него и была хорошая техника, но на этой арене решала не техника, а свирепость и готовность убивать, способность подавить противника одним взглядом. «Убийство взглядом» здесь не было шуткой — это была аура убийцы, накопленная в реальных сражениях.

Янь Чангэ выглядел как благородный наследник, решивший от нечего делать попробовать свои силы на подпольной арене. Никто не верил в его победу. Коэффициент на него был 1 к 50.

«Ты знаешь, что делать. Ставь на мою победу», — прошептал Янь Чангэ на ухо Цюй Ляню. — «Сколько ты отдал за взнос, столько и поставь. Мы не жадные, просто вернем свои вложения».

Цюй Лянь: «...»

Ты уверен, что при коэффициенте 1 к 50 мы вернем только вложения?

Цюй Лянь и раньше участвовал в крупных азартных играх, но любая сумма, умноженная на пятьдесят, превращалась в нечто запредельное. Он только что заплатил миллион в качестве взноса. Если коэффициент сработает... это будет баснословная сумма. Поэтому он сказал:

«Миллиона хватит? Я добавлю еще два. Не заставь меня проиграть».

«Хорошо», — Янь Чангэ поцеловал Цюй Ляня в щеку. — «Если выиграем, ставь всё на следующий бой».

С того момента, как он почувствовал свирепую ауру этого места, он принял решение. Сегодня он пришел не просто проучить Линь Хэньяня — у него были дела поважнее.

Янь Чангэ не стал переодеваться в форму, подготовленную организаторами. Он вышел на ринг прямо в костюме. Сложив руки в приветственном жесте перед противником, занимавшим пятое место в рейтинге, он произнес: «Прошу снисхождения».

Тот боец не был качком, но от него исходила аура матерого хищника. Он смерил Янь Чангэ взглядом: «Ты недооцениваешь это место. Я не буду бить в полную силу. Уходи отсюда и больше не возвращайся. Тебе здесь не место».

«О?» — Янь Чангэ приподнял бровь. Этот человек, хоть и погряз в этом аду, сохранил искру совести. Хороший кандидат для получения заслуг. Если удастся вытащить его из этой бездны, такой человек мог бы стать частью его окружения.

Поэтому Янь Чангэ, что необычно, спросил: «Меня зовут Янь Чангэ. А тебя?»

«Линь Чэньбин».

Это имя... Янь Чангэ слегка нахмурился. Такой способ именованья звучал красиво, но напоминал порядковый номер*. Неужели этот человек был одним из тех бойцов, которых великие кланы тайно выращивали как живой инструмент для заработка?

[*«Бин» (卅) в имени Линь Чэньбин используется для обозначения «третьей позиции» или числа три.]

Прозвучал гонг. У Янь Чангэ не было времени на раздумья — Линь Чэньбин бросился в атаку.

С первым ударом гонга аура Линь Чэньбина преобразилась. Только что он казался стоячей водой, а теперь взорвался бушующей энергией. Жажда крови ударила в лицо, словно пытаясь сдавить горло Янь Чангэ и лишить его дыхания. Обычный человек, не прошедший через горнило войны, какой бы сильной ни была его техника, спасовал бы перед такой аурой. В схватке мастеров мгновенная заминка фатальна. Линь Чэньбин нанес резкий удар крепким кулаком, целясь чуть правее сердца.

Чуть правее сердца... Действительно, он щадил его.

В ответ Янь Чангэ тоже проявил вежливость. Он не сдвинулся с места, лишь слегка поднял правую руку и легко поймал кулак Линь Чэньбина.

Обычно боец впадает в ступор на долю секунды, когда его удар так легко перехватывают. Но Линь Чэньбин не замер — он тут же провел подсечку, одновременно нанося удар другой рукой в лицо с такой скоростью, что увернуться было невозможно.

Но Янь Чангэ и не думал уворачиваться. Он сделал лишь одно движение.

Прежде чем нога и кулак достигли цели, он с силой толкнул правой рукой Линь Чэньбина от себя. Трудно было измерить силу этого толчка, но зрители, зашедшиеся в крике, увидели, как Линь Чэньбин буквально улетел. Он врезался спиной в железную сетку ограждения, но не остановился — он прорвал сетку и вылетел напрямик в толпу зрителей, подмяв под себя десяток человек, прежде чем затихнуть.

«Это...» — и зрители, и судья лишились дара речи. Они смотрели на разорванную сетку и на Линь Чэньбина, чье тело было исцарапано проволокой в кровь.

И это всё? Все тупо уставились на Янь Чангэ.

«Судья», — спокойно сказал Янь Чангэ. — «Может, стоит проверить, в состоянии ли мой противник продолжать бой?»

Судья опомнился и подбежал к Линь Чэньбину. Тот был в глубоком обмороке. Даже хлопки по щекам не привели его в чувство — очевидно, продолжать он не мог. Учитывая, как была искорежена сетка, он наверняка получил тяжелейшие внутренние повреждения и, возможно, больше никогда не выйдет на ринг.

«Янь... Янь Чангэ победил!» — выкрикнул судья.

Трибуны взорвались негодованием. Проигрыш денег был на втором плане; люди хотели видеть кровавое зрелище, столкновение кулаков, а такой односторонний бой не давал азарта. Зрители, на которых упал боец, поднимались и выкрикивали оскорбления в адрес Янь Чангэ, требуя, чтобы он убирался.

На другой стороне Цюй Лянь ошарашенно смотрел на фишки стоимостью сто пятьдесят миллионов. Он был богат, но никогда не выигрывал такую сумму за один раз. А Янь Чангэ велел ему поставить всё это на следующий бой! Да они же разорят этот клуб подчистую! Официант, менявший фишки, смотрел на него так, словно хотел зарезать на месте.

«Это...» — судья-ведущий смотрел на Янь Чангэ, не зная, как заставить его прекратить. Это

был новичок без опыта, но настоящий мастер. Его сила подавляла всё мастерство противника. Такой человек убивал интерес публики, ему не место на этой арене.

«Судья, не беспокойтесь», — вежливо успокоил его Янь Чангэ. — «Я пришел сюда сегодня по уговору с одним человеком. Он считает, что я слабее него, и потребовал сразиться здесь. Но я, безвестный новичок, не имею права вызывать его — лидера рейтинга. Поэтому он поставил условие: я должен за одну ночь войти в топ-10, чтобы удостоиться боя с ним. Так что я не задержусь надолго — проведу всего пять боев. Верно я говорю, господин Линь?»

Все знали, что номер один в рейтинге — это Линь Хэньян. Слова Янь Чангэ вытолкнули его на всеобщее обозрение. Линь Хэньян так открыто унижал Янь Чангэ в ложе и выставил такие жесткие условия, что теперь, когда об этом объявили при всех, отказ означал бы трусость. Линь Хэньян не мог этого стерпеть.

Он вышел из ложи и посмотрел на Янь Чангэ со второго этажа: «Сначала выполни мои условия».

Янь Чангэ повернулся к судье: «Видите? Мои требования невелики, не так ли?»

«Но...» — судье было плевать на их пари, его волновало мнение публики. — «Остальные четверо из топа могут и не принять твой вызов. Они мастера и имеют право отказаться».

«Тогда как насчет такого?» — предложил Янь Чангэ. — «Проводить пять боев подряд — слишком долго и скучно. Я вношу десять миллионов взноса и выхожу против них четверых одновременно. Причем они могут использовать любое оружие, а у меня... будет только то, что на мне».

Он произнес это в микрофон судьи, и эта дерзость мгновенно разожгла интерес толпы. После боя с Линь Чэньбином все поняли, что Янь Чангэ непостижимо силен. Возможно, во всем клубе не найдется равного ему. Но один против четверых? Да еще четверо будут вооружены до зубов, а он — нет? Такой бой стоил того, чтобы его увидеть.

Зрители взревели от восторга. Судья, почуяв выгоду, ответил: «Такие щедрые условия мы, конечно, принимаем. Но, господин Янь, нам нужно осмотреть вашу одежду на предмет скрытого оружия».

«Пожалуйста», — Янь Чангэ кивнул и прошел во внутреннее помещение, где снял одежду для осмотра.

Когда подтвердилось, что на нем обычный дорогой костюм, вещи вернули. Тем временем четверо противников уже приготовились, и ставки открылись снова.

Снаряжение этих четверых напоминало экипировку элитных наемников: от одежды до обуви —

всё было оружием. В руках длинные мечи, на поясах скрытые снаряды, на руках и ногах закреплены кинжалы. Даже подошвы обуви были со вшитыми лезвиями, вылетающими при ударе.

Это было только то, что видно глазу. Трудно было представить, сколько еще сюрпризов скрыто в складках их одежды. И хотя на арене не использовали огнестрельное оружие, холодное оружие часто смазывали ядом. По правилам разрешались анестетики, но многие тайно использовали и другие токсины. В такой ситуации на клинках наверняка был целый коктейль из ядов.

При таких жестоких условиях никто не верил в победу Янь Чангэ, даже если он был силен. Линь Хэнъянь довольно улыбался. Коэффициент на Янь Чангэ снова был заоблачным: 1 к 20.

Цюй Лянь с каменным лицом поставил все сто пятьдесят миллионов на Янь Чангэ. Сердце его бешено колотилось.

Если они выиграют — это будет три миллиарда... За этим подпольем стоят не просто богатые, а влиятельные люди. Если они сорвут такой куш, неизвестно, дадут ли им выйти из этого здания живыми с такими деньгами.

Даже если они уйдут сегодня, месть будет страшной.

Цюй Лянь вдруг понял, почему Янь Чангэ скрыл свою ауру. Он вышел на ринг не из-за провокации Линь Хэнъяня, а ради этих денег.

Янь Чангэ собирался... уничтожить этот подпольный клуб!

Сердце Цюй Ляня пропустило удар, ладони стали влажными от холодного пота. Он крепко сжал кулаки. Что бы Янь Чангэ ни делал, как бы ни было опасно, он поддержит его до конца!

Янь Чангэ оглядел оружие противников и вдруг сказал: «У всех столько оружия, будет нечестно, если я останусь совсем ни с чем».

Судья ответил: «Господин Янь, вы сами выставили это условие. Вы ведь не собираетесь забирать свои слова назад?»

Янь Чангэ покачал головой: «Конечно нет. Я просто подумал, что мне тоже стоит использовать... нечто в качестве оружия».

С этими словами он снял свой галстук и протянул его судье: «Я сказал, что у меня будет только то, что на мне. Этот галстук ведь не нарушает правил?»

—

Автору есть что сказать:

Цюй Лянь: «Галстук? Почему галстук?»

Янь Чангэ: «У него много применений. Помнишь фильм, который мы смотрели? Галстуком можно задушить человека, он покруче нунчак или цепей будет».

Цюй Лянь: «...»

Янь Чангэ: «Кроме того, из него получится отличная кисточка для меча. Видишь, как красиво он смотрится у меня на шее?»

Цюй Лянь: «...»

Янь Чангэ: «Говорят, складной табурет — лучшее скрытое оружие: на нем можно и отдохнуть, и носить легко. А я скажу, что галстук — самое многофункциональное скрытое оружие. Его можно носить у всех на виду, им можно убить незаметно, не оставляя улики, он эстетичен, красив и... у него есть еще одно, самое важное применение».

Цюй Лянь: «Какое?»

Янь Чангэ: «Это моё любимое применение. Им можно связывать маленькие ножны. Ты ведь в прошлый раз уже пробовал, не так ли?»

Цюй Лянь: «...»

Прим. Автора: Пожалуйста, додумайте содержание «маленькой сценки» сами, я знаю, вы всё поняли. У галстука действительно много применений.

PS: Вдохновением для главы послужил фильм «S.P.L. Звезды судьбы 2», где Чжан Цзинь в одиночку победил двух главных героев, сохранив прическу и костюм в идеальном состоянии... а в конце пал жертвой загадочного проклятия галстука Гу Тяньлока... Досада, сплошная досада...

—

<http://bllate.org/book/14517/1285735>